

Людмила Жеглова

Жизни и судьбы

Людмила Жеглова
Жизни и судьбы

«Геликон Плюс»

2019

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Жеглова Л. П.

Жизни и судьбы / Л. П. Жеглова — «Геликон Плюс», 2019

ISBN 978-5-00098-195-5

В основу повести «Жизни и судьбы» положены реальные события из жизни моих родителей, отца Жгун Петра Григорьевича и матери Жгун Марии Ивановны, а также ближайших родственников и знакомых. Это документальное произведение в своей основе, ибо описанные события подтверждены некоторыми сохранившимися документами и фотографиями. В процессе написания, оно отлилось в художественную форму. В повести наряду с фактами, присутствуют некоторые элементы вымысла, так как многие события стерлись из памяти или вовсе были неизвестны автору и их пришлось домысливать.

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-195-5

© Жеглова Л. П., 2019
© Геликон Плюс, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Людмила Петровна Жеглова
Жизни и судьбы
Повесть

Посвящается моим внукам и правнукам

Предисловие

В основу повести «Жизни и судьбы» положены реальные события из жизни моих родителей, отца Жгун Петра Григорьевича и матери Жгун Марии Ивановны, а также ближайших родственников и знакомых. Это документальное произведение в своей основе, ибо описанные события подтверждены некоторыми сохранившимися документами и фотографиями. В процессе написания, оно отлилось в художественную форму. В повести наряду с фактами, присутствуют некоторые элементы вымысла, так как многие события стерлись из памяти или вовсе были неизвестны автору и их пришлось домысливать.

Автор

Глава 1

Петр приехал в отпуск

Петр приехал в отпуск после довольно долгой разлуки со своими родными.

Тихвин встретил его знакомыми с детства запахами свежесдобитого хлеба, вареной картошки в мундире, и квашеной капусты. И все теми же низенькими избушками, тянувшимися по обе стороны дороги от вокзала до дома.

Целых десять суток трясся он в железнодорожном вагоне от самого Забайкалья, куда был призван на службу 30 октября 1931 года.

По окончании ее в 1934 году начальство предложило ему продолжить службу, остаться на сверхсрочную. Петр дал согласие, и его направили на курсы по вождению танка.

Успешно окончив курсы, он возвратился в свою часть, и его сразу же назначили механиком танка.

Проявив себя с хорошей стороны – отлично знающим свое дело, честно и добросовестно выполняющим свой воинский долг, Петр уже через шесть месяцев получает звание командира танка, и командование направляет молодого командира для дальнейшего прохождения службы в распоряжение Ленинградского Военного Округа. В январе 1935 года ему дают месячный отпуск.

Петр слева, рядом механик. Сзади стоит водитель танка.

Петр был рад встрече со своими родными, отцом и матерью, после довольно долгой разлуки; соскучился он по родному дому и городу.

Приехал он не один, а с молоденькой женой, которая была почти на девятом месяце беременности и, которую он, мыслил оставить на время у родителей, пока она не разрешится.

По предписанию, к месту своего назначения он должен был явиться 15 февраля 1935 года. Впереди был почти целый месяц заслуженного отдыха в доме среди родных и близких людей.

Петр не писал родителям о своем новом назначении, не писал и про отпуск, и о том, что женился. Его приезд был сюрпризом для родителей.

И сюрприз был настолько неожиданным, что несколько омрачил радость встречи с сыном и вызвал даже в их душе обиду. Его женитьба была, как снег на голову.

Особенно не довольна женитьбой сына была мать – жениться невесть на ком, без родительского благословения, привезти в дом жену издалека, неизвестно какого рода, когда здесь, в родном городе, они давно присмотрели для него невесту из хорошей, добропорядочной семьи и даже полюбовно договорились с родителями невесты, что как только вернется Петр, поженят их. И вот на тебе! Любимый сынок выкинул такой фокус!

Этого Надежда Викторовна не могла ожидать от своего сына. Вину же она не его, а его жену, ибо, по ее мнению, та во всем была виновата:

Это она, вертихвостка, окрутила сына, влюбила в себя так, что он потеряв голову, женился.

А Мария вовсе не была вертихвосткой. Петр ей понравился с первой их встречи, когда они случайно столкнулись в дверях. Он пришел к ее брату с депешей из штаба. Молодой курсант-танкист тоже сразу, с первого, как говорится, взгляда – влюбился. Их глаза встретились и мгновенно, словно электрическая искра пробежала между ними, и воспламенилась в их сердцах. Это была судьба и она, казалось, поджидала их у дверей квартиры командира батальона, Федора Ивановича Елисеева, поджидала, чтобы познакомить и соединить их на всю жизнь.

Глава 2

Мария

Мария была пятым ребенком в семье Ивана Елисеева, крестьянина-середняка.

Родившись на несколько минут раньше своей сестры Тамары, она и по жизни потом во всем преуспевала, обгоняя свою сестру. Сестры были так похожи, что иногда и родная мать путала: которая из них Мария, а которая Тамара.

Единственное, чем они отличались, так это характером. Мария была трудолюбивой, старательной и очень охочей до учебы, чего нельзя было сказать о ее сестре.

Окончив успешно четыре класса школы, она горела желанием учиться дальше, но в их деревне была только школа-четырёхлетка. Старший брат Фёдор, приехал как-то на несколько дней проведать отца с матерью и узнав о желании Маришки учиться дальше, взял ее с собой в город Читу, где служил тогда и жил вместе с семьей.

Маришка поступила в пятый класс школы для взрослых, ей тогда пошел пятнадцатый год. Вечерами она училась, а днем, приготовив уроки, помогала по хозяйству жене брата Александре, с ней у нее сразу сложились доверительные отношения; несмотря на то что Александра была на восемь лет старше Маришки, они стали подругами на всю жизнь.

Свободное от занятий время Маришка целиком отдавала детям Федора. Их у него было трое. Старшей, приемной дочери Федора Верочке (Федор женился на Александре, когда у нее уже был ребенок от первого брака), шел шестой год, за ней шла Ольга, которую в семье называли Лялькой; сыну Славику не было еще и года.

Марии нравилось жить в доме брата, но продолжить свое образование, о чем она мечтала, ей так и не удалось.

Случилось так, что вскоре Федора повысили в звании и назначили на должность командира танкового батальона Забайкальского военного округа, который базировался на станции Оловянная, куда и переехало все семейство.

Школы, где бы Мария могла продолжить образование, там не было. И в дальнейшем пробелы в ее образовании заполняли книги, которые она запоем читала ночами.

Это была лучшая литература отечественной и зарубежной классики. А доставалась она ей от Александры, которая понимала толк в настоящей литературе. Александра была заядлой читательницей.

Ее страсть к чтению привилась и Марии.

Брат с женой были заядлыми театрами. И не упускали ни одной возможности бывать на театральных представлениях приезжающих иногда театральных трупп. Они часто брали с собой и Марию. Тогда-то и проснулась в ее душе еще одна страсть – страсть к театру. Мария была в восхищении от просмотра таких пьес, как: «Собака на сене», «Стакан воды», «Без вины виноватые», «Горе от ума».

После знакомства с ними, Мария уже не представляла себе жизни без театра.

Будучи замужем за Петром, она старалась не пропускать ни одного представления. Когда приезжали артисты, она готова была стоять за билетами хоть всю ночь, чтобы попасть на спектакль. Для нее было совершенно неважно, откуда приезжал театр в их военный городок: из столичных городов или из провинциальных.

Игра артистов захватывала ее воображение с невероятной силой, увлекала так, что ей уже казалось, что та драма, которая разыгрывалась на сцене, это ее жизнь. И это с ней сейчас там, на сцене, происходят все те метаморфозы, и это она должна принять правильное решение, как поступить в той или иной ситуации.

После театрального представления она долго не могла успокоиться. Она жила под впечатлением, полученным от спектакля еще в течение многих дней, а то и недель.

Глава 3

Петр тревожится за Марию

Петр тревожился за Марию. Получив повышение в звании и перевод на новое место для дальнейшего прохождения службы, Петр решил не брать Марию с собой, а оставить на некоторое время у матери в Тихвине.

Мария была уже на последних месяцах беременности, и он боялся за нее: как пройдут роды? – Ведь у некоторых женщин роды протекают тяжело и даже, бывает, оканчиваются... но об этом он думать не хотел и гнал от себя такие мысли:

– Мария – здоровая, крепкая деревенская девушка. Такие, как она, раньше в деревнях рожали прямо в поле, без всякой медицинской помощи, и ничего! Спеленав и покормив ребенка, положив его в межу, продолжали работу. Он читал об этом где-то. «Все будет хорошо, – успокаивал он себя, – не стоит даже беспокоиться».

Но беспокойство все же не оставляло его: Марии после родов необходим будет особенный уход, а он – военный человек, – разве сможет он обеспечить его.

Вот почему решение оставить Марию на некоторое время у матери казалось ему самым верным в данной ситуации.

Мать его, родившая пятерых детей, не только сможет помочь Марии скорее оправиться и окрепнуть от родов, но и многому научит, имея такой большой опыт.

Но уже с первых дней пребывания в родительском доме Петр задумался, стоит ли оставлять Марию на попечение матери.

Недовольная его женитьбой мать встретила невестку с такой недоброжелательностью и не скрываемым отчуждением, что у Петра все внутри перевернулось, но он не подал виду.

Он надеялся, что со временем, узнав поближе Марию, мать изменит свое отношение к ней и полюбит. Но проходили дни за днями, а отношение матери к невестке не менялось. Мать не только продолжала относиться к ней холодно, каждый раз старалась «ущипнуть» ее за любую, малую оплошность: не так сказала, не так сделала, не туда стул переставила.

Мария молча сносила эти придирки свекрови и ничего не говорила Петру. Сама же тихонько плакала по ночам в подушку.

Петр все понял сам, ему стало ясно, что он не сможет быть спокойным, если оставит жену в родительском доме: «Надо искать частную квартиру», – решил он. До окончания его отпуска оставалось чуть больше полмесяца. И они это время проведут вместе, живя своей семьей на частной квартире, а когда Мария родит и окрепнет немного, он заберет ее.

Не откладывая в долгий ящик, он стал искать съемное жилье. Ему посчастливилось снять небольшую комнату в доме одинокой престарелой женщины, и они с Марией в тот же день переехали в ее дом.

Отцу с матерью он сказал, что не хочет стеснять ни их, ни себя. В такой тесноте жить просто невозможно, тем более что скоро Мария родит и семья пополнится еще одним человеком. А по поводу сделанного им выбора не стоит обижаться, он по-прежнему останется их сыном, он любит их и обожает, как и раньше. И в заключение добавил: они с Марией будут частыми гостями в их доме: так что могут еще и надоесть.

Глава 4

Григорий Кузьмич

А в доме отца Петра, Григория Кузьмича, действительно было очень тесно. В небольшой квартире в три комнаты, две из которых были не больше 16 метров, ютилась семья из семи человек: мать с отцом, младшие сестры Петра Евгения и Тамара, брат Алексей с женой и двухгодовалой дочкой. На нижнем этаже, под ними, жила старшая дочь Екатерины с мужем и тремя малолетними детьми.

Были времена, когда этот большой двухэтажный дом с парадным крыльцом, выходящим на одну из главных улиц города, полностью принадлежал семье Григория Кузьмича.

Отец – Жгун Григорий Кузьмич

Он купил его, потратив все свои сбережения, когда Наденька, горячо любимая и обожаемая им жена, родила ему двух детей, следующих один за другим: старшую дочку Екатерину и сына Петра.

Григорий знал, что семья его не ограничится этими двумя детьми (его Наденька была в положении уже третьим ребенком), она будет и дальше расти, чему он только был рад. Он продал оставшееся от отца небольшое и пришедшее в полный упадок хозяйство, добавил к вырученной сумме свои сбережения, которые копил не один год, мечтая с помощью этих накоплений привести в былой порядок запущенные отцом дела, и, оставив поместье, переехал в город.

Но недолго пришлось ему пожить в новом им купленном доме. С приходом новой власти его потеснили, и он со своим разросшимся семейством вынужден был переехать в ту часть дома, где ранее жила прислуга.

Григорий вначале переживал, но потом смирился, решил про себя: «Все, что ни делается, делается к лучшему».

Он устроился на работу обходчиком железнодорожных путей и стал простым рабочим, а не собственником небольшого конезавода, оставленного ему отцом. Скрепя сердце, он продал его за бесценок.

И сразу же, невероятным усилием воли заставил себя не только не жалеть, но и не думать об этом...

Наденьке он запретил напоминать о прежней их жизни.

Новая власть пришла в Россию и эта новая власть обязывала жить и думать по-новому.

Надежда поняла своего мужа и старалась не вспоминать о прошлом и ни разу не напомнила Григорию о нем. Она, как и ее муж, заставила себя жить и думать по-новому. Своевольная по характеру, всегда отстаивающая свою позицию даже если была не права, она становилась послушной и во всем соглашавшейся с Григорием, что бы он ни сказал или ни сделал. Она любила его сильно, до самозабвения и эта любовь преобразила ее до неузнаваемости: из гордой, своенравной, заносчивой дворяночки, привыкшей к тому, чтобы ей ни в чем не перечили и беспрекословно считались с ее мнением, она превратилась в покорную овечку, готовую повинаться во всем и ловить не только каждое слово своего мужа, но и угадывать каждое его желание. С ним она готова была на все: на любые лишения и на все тяготы жизни. И поэтому, когда он ей сказал, что теперь они должны жить скромно, как живут простые рабочие, и навсегда забыть свое происхождение, она с готовностью согласилась и решительно выкинула из памяти все, что связывало ее с прежней жизнью.

Глава 5

Надежда

Надежда вышла замуж за Григория, когда ей едва исполнилось семнадцать лет. Родители были против ее выбора и не дали ни своего благословения, ни приданого. Но их любимой доченьке было все равно, она полюбила Гришу сразу, как увидела, полюбила так сильно, что уже не мыслила своей жизни без него. Она так и заявила своим родителям:

– Я выйду замуж только за Григория и ни за кого больше, а если насильно выдадите за того, кто не мил, лишу себя жизни, так и знайте!

И они, зная характер дочери: если скажет, то сделает, испугались.

– Делай, как знаешь, если тебе нравится нищенствовать и сопли наматывать на кулак. Вон его отец все свое состояние промотал в разгулах да в кутежах, а яблоко-то от дерева далеко ли падает! Согласия на этот брак мы с матерью не даем и приданного тебя полностью лишаем, вот тебе наш последний сказ! Через неделю после этого разговора с отцом Надежда и Григорий обвенчались и уехали в деревню под Новгород в его родовое гнездо.

Спустя год после свадьбы, которая была скромной и немногочленной, у Надежды и Григория появился первый ребенок, прелестная девочка Катенька. Имя было дано ей в честь матери Григория, которой он лишился, когда ему было всего три года.

Следом за дочкой Надежда родила двух мальчиков, которые умерли в младенчестве от болезни. В 1909 году у них родился сын Петр, а еще через два года сын – Алексей. Вот тогда Григорий и задумался всерьез о жизни.

Слева – мать Петра с дочкой Екатериной, отец Петра

Россия стояла на пороге больших перемен. Он это чувствовал интуитивно. Волна недовольства народных масс поднималась и росла. Ее водоворот увлекал за собой не только рабочий люд, но и крестьянство. И в этом надвигающемся страшном водовороте событий надо было найти для себя и своей семьи безопасный путь, чтобы уцелеть, иначе он понесет, закрутит тебя, как щепку, опустит на самое дно, подбросит и выкинет прочь.

Глава 6

Рождение дочери. Нападение на Петра

Ровно через неделю после переезда Петра и Марии в новое жилье, в ночь с третьего на четвертое февраля у Марии начались схватки. Петр насмерть перепугался, разбудил Дарью Михайловну, хозяйку дома, Она успокоила его, сказав, что ничего страшного нет, все женщины рожают, но посоветовала не медлить, вызывать «скорую» и отправить Марию в роддом.

Рано утром Мария родила дочку.

Невозможно описать, какой радостью и гордостью весь день светилось лицо Петра. Он раздобыл где-то цветы, хотя их было просто невозможно найти в феврале.

Их передали Марии вместе с лимоном, срезанным по этому случаю добрейшей хозяйкой квартиры Дарьей Михайловной с лимонного деревца, которое росло у нее в кадучке много лет и дало единственный лимон за все время.

Через неделю Мария с ребенком были дома.

– Красивая у тебя, Петр, дочка, – любясь малышкой, сказала Дарья Михайловна.

Сердца Петра забились радостно от этих слов, хотя он и сам, как только увидел, отметил, что дочка у него – красавица.

Он не стал откладывать и на следующий день поехал в загс, чтобы зарегистрировать дочку.

А то же время в семье у их давних знакомых – Паревских, у невестки Софьи Артуровны, с которой мать Петра дружила еще в девичество, в тот же день, четвертого февраля, тоже родилась девочка. Софья Артуровна, узнав, что Петр намеривается поехать в загс для регистрации дочки, попросила заодно зарегистрировать и ее внучку: имя – Людмила, они заранее утвердили на совете семьи.

«Вот незадача, – подумал Петр, – они с Марией тоже решили дочь назвать Людмилой». Но он ничего не сказал об этом Софье Артуровне, а только пообещал выполнить просьбу.

Уже в загсе он вдруг решил, что его дочь должна иметь другое имя, и оно должно быть особенным, таким, какого больше не встретишь ни у кого. И назвал дочь Мюдой в честь Международного юношеского дня. Его дочь родилась красивой девочкой. «Так пусть же она будет вечно молодой, пусть никогда, даже с годами не стареет и не блекнет ее красота», – решил он.

Время катилось, как всегда, с невероятной быстротой, оставалось всего три дня до отъезда Петра для дальнейшего прохождения службы в Ленинградский военный округ: – месту его назначения.

Поздно вечером они с Марией возвращались от матери и отца. Слишком долго засиделись они за столом, всей семьей отмечали рождение дочки и внучки. На следующий день с вечерним поездом Петр должен был уехать в Ленинград. Он просил мать позаботиться о Марии и ребенке, пока он будет в отъезде.

– Как только удастся получить хоть какое-нибудь жилье, – сказал он, – сразу же приеду и заберу семью.

Мать обещала сделать все, как просил сын. Его жену и внучку она не оставит без присмотра.

Когда Петр с Марией стали собираться к себе, она, словно почувствовав материнским сердцем что-то неладное, сказала, обращаясь к сыну:

– Поздно уже, и на дворе вон какая темень. Может, заночуете у нас, а утром пойдете?

Но Петр отказался:

– Нет, мама, у вас так тесно, самим-то негде спать. Не тревожься за нас, потихоньку дойдем до дому, – и добавил, улыбаясь: – пройтись перед сном и подышать свежим воздухом полезно не только нам, но и ребенку, тем более что мы сегодня с дочкой так и не успели погулять, а детям свежий воздух необходим.

Он взял на руки дочку, закутанную в теплое ватное одеяло, перевязанное красивой алой лентой, попрощавшись и пожелав всем спокойной ночи, они с Марией вышли.

Не успели они завернуть за угол, как из темноты вывернули две подозрительные фигуры, одна высокая, а другая поменьше и направились прямо к ним.

– Эй, вояка, не одолжишь нам свою телку минут на двадцать-тридцать позабавиться? – произнес пьяным голосом долговязый, а тот, который был поменьше ростом, хихикнул.

Кровь прилила к голове Петра, он понял, что с этими отморозками придется разговаривать на кулаках. Он быстро передал ребенка испугавшейся Марии и тихо произнес:

– Ничего не бойся. Беги быстро, как только можешь, не оборачиваясь, назад, в дом, – и, сжав кулаки, приготовился к бою.

Коротышку он уложил сразу, кулак Петра пришелся ему под дышло, но верзила одним ударом повалил Петра и, упав сам, запнувшись об его ногу, всей своей тушей навалился на него сверху и придавил к земле. Петру никак было не скинуть с себя эту огромную тушу. Удары один за другим сыпались на Петра.

Проезжавшая по дороге неизвестно откуда взявшаяся грузовая машина осветила на миг их своими фарами, бандит, очевидно, струхнув, ослабил свою хватку, Петр, воспользовавшись этим, мгновенно очутился сверху бандита и сдавил ему горло. Тот захрипел:

– Задушу, мразь, – заревел Петр. Лицо его было в крови, глаза заплыли кровью и ничего не видели! И вдруг резкая боль пронзила спину под левой лопаткой.

Когда Мария с отцом и братом Алексеем прибежали к месту происшествия, бандиты уже успели скрыться. Петр лежал в луже крови без сознания.

Пятнадцать дней отлежал Петр в больнице после этого нападения. Всего два миллиметра не достал до сердца нож, который всадил ему в спину коротышка.

Петр был еще слаб, он потерял много крови, и врачи не хотели его выписывать так рано, но он настоял, и на следующий день после выписки отбыл к месту своей службы.

Глава 7

Свекровь и невестка подружились

Надежда Викторовна сдержала слово, данное сыну.

Каждый день она навещала свою невестку, приносила ей продукты и подолгу засиживалась у Марии.

Она помогала ей купать малышку, гуляла с ней, чтобы дать возможность Марии постирать пеленки и убрать в квартире, а придя с внучкой с прогулки, не спешила уходить домой.

Мария была рада свекрови и каждый раз находила предлог, чтобы задержать ее у себя подольше. Она приглашала свекровь отобедать с ней и оценить кулинарные способности невестки. А надо сказать, что готовила Мария отменно, любые блюда, приготовленные ею из простых и недорогих продуктов, отличались отменными вкусовыми качествами. Этому она научилась у жены Федора, Саши.

Надежда Викторовна соглашалась попробовать, если только ложечку, не больше, но потом съедала все, что ей положила в тарелку невестка. После сытного и вкусного обеда она заводила с Марией какой-нибудь разговор, и они тихо, почти шепотом, чтобы не разбудить малышку беседовали. И эти беседы эти каждый раз сближали их все больше и больше.

Как-то в одно из своих посещений Надежда Викторовна сказала, что она поговорила со священником церкви насчет крещении внучки.

– Ой, – испуганно взглянула на нее Мария, – если узнает Петр, что будет! Ведь он с самого начала был против крещения.

– А зачем ему знать? – сказала мать. – Мы ему не скажем. Он об этом никогда и не узнает. Пусть это будет нашей маленькой тайной, ведь ты же не проговоришься, я думаю?

Мария глянула на свекровь:

– Никогда, даже под самой тяжелой пыткой, – и они обе рассмеялись.

– Не будем откладывать, – сказала свекровь, – пока его нет, и окрестим Мюточку. Соберайся и собирай ребенка. На-ка вот рубашечку, – она развернула принесенный сверток и достала белоснежную батистовую рубашечку, отороченную по подолу, рукавчикам и горловинке прекрасными кружевами ручной работы.

– В этой рубашечке, – сказала она, – крестили Петра. Надень ее на внученьку, дай бог, принесет она ей и здоровье, и счастье.

В этот же день дочка Марии и Петра была крещена, как раба божия Людмила, так как, в православии не было имени, каким назвал Пётр свою дочь.

Мать Петра

Глава 8

Получение письма от Петра

Прошла неделя с отъезда Петра. Мария каждый день заглядывала в почтовый ящик, но он был пуст, долгожданного письма от Петра в нем не было. Но она надеялась и ждала.

В этот солнечный мартовский денек, собираясь с дочкой на прогулку – свекровь предупредила заранее, что в среду не сможет прийти, – Мария услышала легкий стук в дверь. Она подумала, что это свекровь. «Пришла всё-таки», – радостно пронеслось в голове.

– Мама, открыто, заходи! Но это была не свекровь. В проеме открывшейся двери освещенная ярким сиянием солнца стояла улыбающаяся хозяйка дома Дарья Михайловна. В руках ее, спрятанных за спиной, угадывался и предательски выдавал себя, выглядывавшим белым кончиком конверта, приготовленный сюрприз.

– Кому-то надобно сплясать, чтоб получить желаемое, – загадочно улыбаясь проговорила Дарья Михайловна. – Конверт мгновенно выпорхнул из-за ее спины и, словно белая птица, взлетел над ее головой и затрепыхался в руке, дразня и требуя выкупа.

У Марии радостно забилося сердце! Она, сделав несколько танцевальных притопов, приблизилась к Дарье Михайловне, подпрыгнула и выхватила поднятый над головой конверт, поцеловав хозяйку квартиры в щечку.

Ей хотелось сразу открыть и прочитать письмо, но она остановила себя: «Не сейчас. Прочту на улице, – решительно сказала она себе. – Дочка уже укутанная в одеяло, может вспотеть».

День был необыкновенно солнечным. Мартовский снег еще лежал плотным настилом, сверкая и переливаясь под лучами яркого солнца многочисленными светящимися звездочками, и слепил глаза. А легкий ветерок уже нес первые запахи весны, и эти запахи создавали радостное настроение.

Мария положила дочку в коляску, аккуратно вскрыла конверт и достала письмо...

Дорогие мои, любимые, – писал Петр, – простите своего папку, что заставил вас ждать и волноваться, не от меня это зависело. Но я каждую минуту думал и думаю о вас и тревожусь – как вы там, все ли у вас в порядке?

Любимая моя женушка, с радостью могу тебе сообщить, что через неделю приеду за вами и увезу вас в город Лугу, где теперь подолгу службю нам с тобой, дорогая, нужно будет жить и детей наживать.

Почему я сразу не смог приехать, как только получил назначение, – а только через неделю? Так это все из-за жилья: комната, которая нам выделена комсоставом, должна была освободиться через неделю. Теперь, моя дорогая, все будет в лучшем виде: я договорился с малярами, они уже приступили к работе, и как только закончат косметический ремонт, я приеду за вами, так что мы въедем в чистенькую комнатку, правда она небольшая, но очень светлая, окна выходят на южную сторону. И это, согласись, немаловажное ее качество и преимущество – для детей ведь солнечный свет детям необходим.

Много писать не буду, все при встрече. Ждите своего папку. Люблю, целую бесчисленное число раз.

Мария прочитала письмо, поцеловала троекратно листок и, сложив, положила в конверт. «Родной, любимый наш, мы ждём тебя!»

Она, подняв голову, посмотрела на бегущие белоснежные облака на яркое по-весеннему солнце, улыбнулась. В душе ее все играло и пело!

Глава 9

Мария узнает преступников

Мария стояла в очереди. Очередь была длинная, она растянулась чуть ли не на квартал от дверей магазина. Люди стояли за колбасой, давали килограмм в руки. Очередь волновалась: «Хватит ли всем?»

«Хватит, не хватит – буду все равно стоять до конца», – решила Мария. Дочка в надежных руках свекрови. Надежда Викторовна и погуляет с малышкой, и переоденет, и покормит ее.

Грудное молоко, сцеженное Марией, было перелито в бутылочку с соской на тот случай, если ко времени кормления она еще не успеет вернуться.

Размышляя, Мария не заметила, как подошла свекровь с малышкой, которая крепко спала в коляске.

– Ой, что делается! – воскликнула Надежда Викторовна! – Сколько народу-то! И все подходят и подходят. Чуть не весь город здесь! Хватит ли на всех-то? Может, не будешь стоять, Машенька? Жили ведь без этой колбасы, и ничего, не умерли, и дальше проживем.

– Мама, завтра Петя приезжает, колбаса была бы как раз кстати, – Мария хотела еще что-то сказать и уже открыла рот, но, не успев произнести ни одного слова, так и замерла с открытым ртом.

У входа в магазин два парня расталкивали очередь. Один из парней, долговязый, орал во всю глотку, сотрясая воздух резавшим слух матом, продолжая расталкивать негодующую толпу, сгрудившуюся у двери. Другой, небольшого роста и полный, отчего казался круглым, как колобок, уже успел приоткрыть дверь.

Мария сразу узнала их.

– Мама, это они, – шепнула она на ухо свекрови.

– Кто? – вопросительно глянула на нее Надежда Викторовна.

– Да те, что той ночью напали на нас с Петром. Прошу тебя, встать вместо меня на время в очередь, чтоб не потерять ее, а я скоро!.. Я быстро!

Надежда Викторовна не успела ни согласиться, ни возразить, как Марии уже и след простыл.

– Успеть бы, только бы успеть! – повторяла она про себя, несясь напрямик, дворами, к зданию, где располагался отдел милиции.

Сердце ее так колотилось, что казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Волосы растрепались, выбившиеся из-под платка пряди, мокрые от пота, липли к щекам и закрывали глаза.

Только у самого здания милиции Мария сменила бег на шаг, чтобы на ходу привести себя в порядок. Она поправила волосы, достала носовой платок из кармана пальто и вытерла пот с лица.

– Я должна видеть начальника, у меня к нему срочное и очень важное сообщение, – объявила она голосом, не допускающим возражений, дежурному у входа.

– Николай Иванович, я узнала их! – выпалила она, позабыв поздороваться, когда оказалась в кабинете. Но сразу, спохватившись, извинилась и поздоровалась. – Я стою в очереди, – продолжала Мария, – и вижу, как они расталкивают людей... Надо торопиться, они уже вошли в магазин.

– Успокойтесь, Мария Ивановна, – сказал Матвеев и подал Мари стакан воды, – скажите, а какой это магазин, где вы их узнали?

Мария отхлебнув глоток, несколько успокоилась.

– Да тот, Николай Иванович, что на главной площади, там сегодня колбасу дают.

– Понято, хорошо, что вы их узнали, но зачем бежали, позвонили бы по телефону.

– Ой, Николай Иванович, номер-то телефона, который вы мне дали, я забыла дома, не бежать же мне домой. Потом, найти исправный автомат тоже проблема, за это время эти отморозки и уйти сумели бы! Может, пока мы с вами разговариваем, их и след-то уже простыл.

– И то верно, – согласился Николай Иванович. – Идем!

Когда машина подъехала к магазину, парни уже выходили из магазина со свертками колбасы в руках. Увидев подъехавшую милицейскую машину, они рванули назад в магазин, надеясь уйти через задний выход. Там их и схватили.

Когда в наручниках их вывели и повели к машине, долговязый бандит обернулся, зло глянул на Марию и процедил сквозь зубы:

– Сучка!.. Недалек час, встретимся.

Глава 10

Суд. Переезд. Рождение второй дочери

Через неделю состоялся суд. Зал был полон. Люди стояли даже в проходах. Суд вынес решение: «За нападение на офицера Красной Армии и нанесение особо тяжкого ножевого ранения, угрожавшего жизни, вменить наказание в виде 25 лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима».

В первых числах апреля Петр и Мария, попрощавшись с родными и хозяйкой дома Дарьей Михайловной, сели в поезд и покинули Тихвин.

Началась новая жизнь в городе Луге, в доме-бараче для семей служащих, со всеми житейскими плюсами и минусами, радостями и печальями. Такова жизнь, и от нее никуда не денешься, как от судьбы, которая следует по пятам и преподносит разные, иной раз не совсем приятные сюрпризы.

Через полтора года у Петра с Марией родилась вторая дочка Наташа – Наточка, так любовно называли ее Петр и Мария.

Нелегко было Марии справляться с хозяйством, на руках у нее было двое маленьких детей, младшей было всего два месяца. Но она не унывала.

Ей нравилась их с Петром небольшая комната в шестнадцать квадратных метров, с общей кухней, где она, как и другие молодые женщины, ее соседки, готовили на керосинках и весело общались между собой, делясь услышанными городскими новостями, рассказывая о своих снах и о прочитанных книгах.

Марию огорчало только то, что она редко виделась с мужем. Петр был по решению командования направлен в Ленинградское высшее политическое училище имени Ф. Энгельса.

Встречался с семьей Петр только в выходные дни, когда приезжал в увольнение.

Марии этих выходных было недостаточно, она скучала, особенно когда он задерживался или не приезжал вовсе. «Служба есть служба», – утешала она себя.

А соседки подтрунивали: «Что? Опять муж не приехал? Похоже, загулял твой Петр. Там, в Ленинграде-то, не такие крали! Тебе куда до них! Посмотри на себя в зеркало, на кого ты похожа».

А Мария и правда выглядела не очень: она похудела, щеки впали, красные от постоянных недосыпаний глаза (Наточка плохо спала ночами, и Марии, чтобы не разбудить соседей, приходилось выходить с ней на улицу и качивать на руках) мало что оставили от ее былой привлекательности.

Зарплаты, которую Петр получал теперь как курсант училища, не хватало на семью. Мария старалась экономить буквально на всем и больше всего на себе.

Она уже давно не покупала себе ничего из одежды и ходила в старой, выдавшей виды юбке и спортивной футболке, а на ногах – парусиновые тапочки. Она не обращала никакого внимания на свой внешний вид. Все внимание ее было сосредоточено на детях. Наточка росла ослабленным ребенком, часто болела, Марию очень тревожило ее здоровье.

Петр задерживался в училище по службе. Бывало, что его дежурство по училищу выпадало на выходные, были и другие непредвиденные случаи, например, неожиданные, не требующие отлагательства служебные поручения, тогда он задерживался с приездом, а Мария, не дождавшись мужа, не находила себе места.

– Смотри, Марийка, как бы твой Петр не завел какую кралю. Там, в Ленинграде ушлые девки, глазами-то так и стреляют за военными.

Мария старалась не обращать внимания на замечания подруг, но где-то в самой глубине души засело противное чувство ревности, которое с каждым днем росло и не давало покоя.

В такие минуты она, не дождавшись в положенный час приезда Петра, срывалась с места, садилась на электричку и ехала в Ленинград. На проходной дежурный по училищу ей сообщал, что курсант Жгун отбыл в отпуск на два дня к семье в город Лугу. Возвратившись назад, Мария находила Петра уже дома, играющим с детьми.

Оказывается, он опоздал на электричку, и ему пришлось дожидаться следующей. Вот и получилось: он в Лугу, а Мария в это время – в Ленинград.

Но щемящее чувство ревности не проходило в груди, оно терзало, от него никуда было не спрятаться, не деться.

Как-то Тая, соседка, с которой Мария сдружилась, достала из пачки папиросу, прикурила от своей и подала Марии со словами:

– На-ка курни, полегчает!

Мария затянулась, и тут же задохнулась, закашляла, из глаз потекли слезы.

– Ничего, ничего, это с первого раза так у многих бывает, – подавая стакан воды Марии, успокаивала Тая, – потом пойдет все как надо. Зато обретешь спокойствие такое, что все будет до лампочки.

И Мария стала потихоньку курить от Петра. Папиросы «Беломорканал» лежали в тумбочке. Петр покупал всегда целый блок и, когда приезжал, брал из него с собой одну пачку. Этой пачки ему хватало на неделю до следующего приезда домой.

Со временем он стал замечать, что в каждой пачке не хватает одной папиросы, но пачка не распечатана, целая.

– Смотри, Мария, что делают на фабрике?! В каждую пачку не докладывают по одной штуке.

Мария молчала и краснела, но признаться Петру боялась. Курить же не перестала.

Но к пачкам Петра больше не прикасалась, покупала папиросы для себя в ларьке и выкуривала по несколько штук сразу. Так ей легче было заглушить заползшее в душу подозрение, что муж ей изменяет.

Накурившись этого зелья, опьяневшая и одурманенная им, она валилась на кровать и сразу проваливалась в сон. Она спала так крепко – видно, сказывались недосыпания по ночам, что не слышала, как плачут дети и как громко стучат в дверь соседи, стараясь ее разбудить.

Но когда вдруг умерла от менингита Наточка, Мария закурила при Петре и выкурив одну папиросу, попросила у него вторую.

С этого дня она уже не скрывала, что курит давно и призналась, что это она вытаскивала папиросы из каждой его пачки.

Глава 11

Мария тяжело переносит смерть дочери

Мария очень тяжело переносила потерю дочери. Она не могла смотреть на опустевшую ее кроватку, на игрушки, одеяльце, в которое заворачивала, когда ночью выходила с ней на улицу и ходила по двору, укачивая девочку на руках.

– Надо тебе пойти работать, – сказал ей брат Федор, который был в командировке в Ленинграде и заехал к ним в Лугу повидаться. Он привез подарки, которые переслала с ним жена. В основном это была одежда для Мюточки, которая ранее принадлежала его дочке Ляльке, платья, кофточки, пальтишки.

Федор был в гостях совсем недолго, всего два дня. Прощаясь, он строго посмотрел на Марию:

– Курить надо бросить, это баловство и я его не одобряю.

Мария пообещала, что постарается бросить.

Мюточки уже было 2 года, она росла здоровенькой, резвой девочкой. Ходить она начала с девяти месяцев и теперь бойко бегала не только по их небольшой комнате, но и по кухне, когда Мария там готовила, и выбегала даже в коридор, за ней нужен был глаз да глаз.

Мысль о работе, высказанная братом, все чаще посещала Марию, и она решила ее искать. Но прежде надо было устроить дочку в детский садик.

– У нас ясельная группа переполнена, – сказала ей заведующая детским садиком. – А вот персонала не хватает. Если бы вы согласились у нас поработать, я бы смогла взять вашу девочку.

– Но я никогда не работала в детском садике, смогу ли?

– Здесь нет ничего сложного. Надо просто любить детей, заботиться и ухаживать за ними, как своими. К тому же работать в группе вы будете не одна, а вместе опытным воспитателем.

Мария с радостью согласилась.

– У Вас паспорт с собой?

Мария кивнула головой и открыла сумочку, чтобы достать паспорт, из нее выпала на пол начатая пачка папирос.

– Вы что, курите? Тогда вопрос о работе в нашем учреждении отпадает, – решительно заявила заведующая.

Мария подняла упавшую пачку и скомкав, выкинула в урну.

– Уже нет! Не курю, – сказала она, глядя прямо в глаза заведующей. – Можете верить, больше в рот не возьму ни одной.

Заведующая улыбнулась.

– Придется поверить, но учтите, если замечу, сразу же распрашиваемся!

Через неделю, сдав все необходимые анализы, Мария приступила к работе.

И постепенно душа ее стала оттаивать, горе стало отходить от нее. Она влилась в мир светлых чистых детских ангельских душ, и ее собственная душа, которая была такая же чистая, открытая и бескорыстная, нашла успокоение.

Курить Мария бросила, как пообещала брату и этой строгой с виду заведующей детским садом, понравившейся и показавшейся ей доброй. С первого взгляда.

За все время, начиная с поступления на работу в детский садик и до определённого момента, о котором будет сказано чуть позже, Мария не закурила ни одной папиросы.

Нельзя сказать, что это было легко, наоборот – это было невыносимо и мучительно! Курить так хотелось, что Мария несколько раз была недалеко от срыва. Хотелось побежать в

ларек и купить спасательную пачку папирос. И тут же, зайдя за угол, дрожащими от нетерпения руками распечатать, вытащить папиросу и затянуться в сладостном удовлетворении желания, закрыв глаза от удовольствия.

В такие минуты борьбы с собой она твердо говорила себе: «Нет! Не закурю, я бросила, я дала слово брату, этой замечательной женщине – заведующей и самой себе, а слово надо держать, и я его сдержу!»

И Мария держала его. Нарушила она его только во время войны, когда от Петра с фронта больше семи месяцев не приходило писем. Вот тогда она и сорвалась.

Она работала в воинской части, где оставил их с дочкой Петр, уйдя защищать страну от фашистской своры.

На телефонном коммутаторе вместе с ней работали два солдата.

Они курили махорку, скручивали из газеты так называемые «козьи ножки». Мария попросила у них щепотку табака, скрутила из газеты что-то напоминающее папиросу и закурила.

Глава 12

У Петра родился сын

Недолго проработала Мария в детском садике.

В 1938 году после окончания Высшего политического училища имени Энгельса, Петр направляют для дальнейшего прохождения службы в Забайкальский Военный округ в танковый дивизион, где служил раньше. Он сразу с собой берет и семью.

Неспокойно было в то время на дальнем востоке. В ночь на 31 июля Япония нарушила границу СССР.

В войне были задействованы наши танки, артиллерия и самолеты. В этой войне японцы рассчитывали одержать победу над еще совсем молодой Советской Республикой и просчитались.

В 1939 году японцы были отброшены от границ Советского Союза. Петр был командиром танка, вместе с двумя танкистами: водителем и механиком танка, он участвовал в этой войне.

Тогда появилась замечательная застольная песня композиторов братьев Покрасс на слова Бориса Ласкина. Ее любил напевать мой отец, и она мне запомнилась на всю жизнь.

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят,
На высоких берегах Амура
Часовые Родины стоят.

Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Там живут – и песня в том порука —
Нерушимой, дружною семьей
Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой.

На траву легла роса густая,
Полегли туманы, широки.
В эту ночь решили самураи —
Перейти границу у реки.

Но разведка доложила точно,
И пошел, командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Боевой ударный батальон.

Мчались танки, ветер поднимая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

И доби́ли – песня в том порука —
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой!

Эта война с Японией, как потом утверждали историки, была преддверием Второй Мировой.

Но пока было спокойное время, никто не думал, что Германия нападет на Советский Союз.

С Германией был заключен 29 августа 1939 года пакт о ненападении.

Жизнь шла своим чередом, и, как всегда, люди влюблялись, женились и рожали детей.

И в семье Петра тоже родился четвертого ноября 1940 года сын Владислав. Петр, все время в глубине души мечтавший о сыне, был на седьмом небе от счастья.

Семья Петра тогда жила недалеко от Читы, в городе Сретенске.

Марии нравился этот небольшой и живописный городок с рекой Шилкой, протекающей по всему городу и несущей свои бурные воды в Амур.

Апрель в 1941 году выдался холодным, снег лежал еще плотным слоем. Но на холмиках и пригорках из-под талого снега кое-где пробивалась молодая травка и изумрудной зеленью радовала глаз.

Четвертого апреля этого года Петр наконец получил долгожданный отпуск и радовался, что совсем скоро сможет обнять мать с отцом, брата и сестер. Он ехал со всей семьей – любимой женой Марией, дочуркой Мюдочкой и пятимесячным сыном Владиславом в родной город Тихвин.

Петр был счастлив, как может быть счастлив человек, которому судьба благоволит. У него была прекрасная семья. Он получил повышение по службе и звание капитана и был направлен для дальнейшего прохождения службы в воинскую танковую часть Забайкальского военного округа, которая дислоцировалась на железнодорожной станции Песчанка, в семи километрах от города Читы. Такое название, очевидно, пошло от песчаных рельефов, которыми богата эта местность...

Петр, г. Чита, 1940 г.

Там Петр сразу получил и жилье – комнату в двадцать два квадратных метра в бараке, предназначенном для семей военнослужащих. И это было весьма немаловажным событием, так как офицерам часто приходилось ютиться с семьей в казармах вместе с солдатами, отгородившись только простыней.

Комната была очень светлая, окна выходили на южную сторону. Кухня, довольно просторная, предназначалась на две семьи.

Соседи – лейтенант и его супруга Клава – оказались милыми и добрыми людьми. Петр и Мария как-то сразу прониклись симпатией к этой паре молодоженов, а через некоторое время так сдружились, что стали жить словно одной семьёй.

Их комнаты, расположенные напротив, выходили в кухню, двери комнат почти никогда не закрывались, жизнь в основном протекала на кухне. Кухня служила не только для приготовления еды, но являлась и общей столовой, и залой. Здесь две семьи обедали и ужинали за общим столом и часто после ужина засиживались допоздна за игрой в лото или в домино.

Мария, покормив и уложив детей, возвращалась с рукоделием. Клава уже ждала ее, склонившись над пяльцами, а Петр с Семеном – так звали, мужа Клавы, увлеченно сражались в шахматы.

Клава и Сеня были из одного детдома, где с раннего детства вместе воспитывались и росли. А став взрослыми, полюбили друг друга и поженились. Детей у них не было, о чем они горевали, особенно Семен, который мечтал иметь не одного ребенка, а не меньше трех. Клава лечилась и надеялась, что вскоре она сможет обрадовать любимого мужа. Молодые супруги сразу воспылали нежной любовью к детям Петра и Марии.

Жизнь протекала тихо и мирно. Петр не знал, и не мог знать, что очень скоро в жизнь всего народа страны Советов черной чумой войдет беда, которая принесет в мирную спокойную жизнь каждой семьи столько горя и страданий.

Был апрель 1941 года. Ровно через два месяца начнётся война с гитлеровской Германией.

Глава 13

Потеря сына. Начало войны

Не знал Петр и того, что перед самым началом этой жестокой войны он потеряет сына. Умрет его отец. В родной город войдут фашисты. Его мать и сестры будут выгнаны из собственного дома на улицу. В их двухэтажном доме расположится штаб. А остальную часть дома, вход со двора, где теперь жила вся семья Григория Кузьмича, а раньше занимаемую его прислугой, займут для жилья штабные немецкие офицеры. Матери с детьми придется жить в холодном сарае.

Всего этого Петр не знал и не мог знать. Он ехал в отпуск на родину и радовался от всей души заслуженному отдыху, встречи с родными и знакомыми, родным городом, где прошло его детство и юность.

Всего неделю Петр наслаждался отдыхом. Отпуск был прерван неожиданно полученной телеграммой. В ней предписывалось прервать отпуск и срочно явиться в распоряжение своей части.

Для себя Петр решил, что поедет один, без семьи. Такое решение было обосновано тем, что вот уже третий день у Славика, его сына, был сильный насморк, он чихал, плохо ел и спал. Когда он огласил свое решение: ехать одному, а Марии с детьми остаться у матери на некоторое время, Славик простужен, в дороге ему может стать хуже, Мария не согласилась с решением мужа.

– Мне кажется, дорогой, ехать надо всем вместе, – сказала она. – Если тебя отзывают в срочном порядке, прерывая твой отпуск, значит, дело серьезное, страшно подумать, но в воздухе пахнет грозой. А в любую непогоду лучше быть вместе. У Славика небольшая простуда, это не так страшно.

Петр подумал и согласился, что жена права. Решено было ехать всем вместе.

В дороге мальчик совсем разболелся, у него появился жар, теперь текло не только из носа, но и из уха. Когда приехали домой, вызвали участкового врача, диагноз был поставлен неутешительный: воспаление среднего уха.

Ушные капли и согревающие спиртные компрессы, которые прописал врач, мало помогали. Петр с Марией обратились в клинику к профессорам города Читы. И там им предложили операцию, на что Мария и Петр сперва не согласились. Их стали убеждать, что операция необходима, если срочно не сделать ее, гной пойдет в черепную коробку и тогда уже ничто не спасет ребенка. И Мария с Петром дали согласие. Во время операции ребенок умер.

До начала войны оставалось всего два дня. Петр и Мария ехали хоронить своего сына. Петр сидел в кузове машины и обнимал маленький гробик, чтобы он не колыхался при движении полуторки, хотя шофер вел машину осторожно и на низкой скорости. Мария с дочкой, которая удобно устроилась на ее коленях, сидели в кабине.

Их машину перегнал пикап темно-зеленого цвета, несшийся на предельной скорости. В его открытом кузове находился молодой офицер. Одной рукой он держался за борт кузова, а другой прижимал полевую кожаную сумку, которая висела у него на плече.

– Мама, сейчас эта машина перевернется, – вдруг сказала Мюдочка.

Не успела Мария сказать: «Не говори глупости!» – как пикап прямо на глазах перевернулся.

Водитель остановил машину, и они с Петром бросились к пикапу. С большим трудом им удалось открыть заклинившую дверцу кабины и вытащить из нее шофера. Он почти не пострадал, отделался только испугом и несколькими ушибами. Втроем они подняли машину и поставили на колеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.